мир, распускающийся в хаос, теряющийся в тумане, в котором очертания смутились, в котором огонь делает только тусклые пятна» [4, с. 27]. Когда автобиографический герой видит суетящихся возле него людей, он смотрит на них как будто сквозь туман, и они кажутся ему безликими тенями. Герцен вспоминает свои одинокие прогулки по полупустому вечернему Лондону (а гулял он всегда один), когда он бродил «по его каменным просекам, не видя иной раз ни на шаг вперед от сплошного опалового тумана и толкаясь с какими-то бегущими тенями» [5, с. 11].

Ярким контрастом по отношению к Лондону в «Былом и думах» представлена Италия. Лондон с его вечным туманом связан для Герцена с временным планом настоящего, с временным планом «теперь»: «И теперь я сижу в Лондоне, куда меня случайно забросило…» [4, с. 27]. С помощью образа Италии мемуарист описывает свои мысли и чувства, связанные с временным планом «тогда». Эта страна связана с прошлым автобиографического героя, т.е. с его жизнью до того момента, когда разрушились надежды на европейскую революцию, и с его жизнью до того, как разбился семейный очаг: «… А *та* страна, обмытая темно-синим морем, накрытая темно-синим небом… Она одна осталась светлой полосой – по ту сторону кладбища» [4, с. 27].

Символический образ тумана постоянно сопровождает описание лондонской жизни Герцена. Точно так же образ моря и высокого южного неба возникает во всех случаях, когда речь идет об Италии. Дымчатый туман, мрачные деревья лондонских парков и длинные однообразные ряды уличных фонарей особенно уныло воспринимаются на фоне воспоминаний о ярких красках этой солнечной страны. В «Былом и думах» Италия становится воплощением идеальной гармонии и безоблачного счастья. Это страна-мечта и страна-идиллия. Именно в Италии, в Турине, состоялась памятная встреча Герцена и Natalie в день их «святого примиренья» [4, с. 275]. Не случайно когда Герцен описывает какой-нибудь из дней, проведенных в одном из итальянских городов (Рим, Милан, Турин), как правило, это описание сопровождается характеристикой «Santo dio» – святой день. Именно Италии возле моря, среди виноградников роз и померанцевых деревьев Герцен может сказать «Мы дома» [4, с. 274]. С Италией у автобиографического героя сохраняется глубокая сердечная связь. Однако Италия – это и символ всего того, что навсегда осталось в прошлом, символ утраченного, поэтому возвращение его в Италию невозможно, как невозможно возвращение к прежней счастливой жизни. С Италией для Герцена связаны последние дни веры в торжество революционных идеалов в Европе. Италия в мемуарах Герцена – это не только страна-мечта и страна-идиллия, но и страна-иллюзия, страна-сон (время, с которого начинается его разочарование в событиях 1848 г., охарактеризовано в «Былом и думах» как «пробуждение» или как «отрезвление»). Последними днями жизни Герцена в Риме «заключается светлая часть воспоминаний, начавшихся <…> с отроческого обручения на Воробьевых горах» [4, с. 26].

Таким образом, в «Былом и думах» А.И. Герцена возникает оппозиция «Европа – Россия». Пространственные характеристики этих образов приобретают в мемуарах хронотопическое и аксеологическое значение.

Литература

1. *Айхенвальд, Ю.* Герцен / Ю. Айхенвальд //Силуэты русских писателей. – М., 1994.

2. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 8.

3. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 9.

4. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 10.

5. *Герцен, А.И.* Былое и думы / А.И. Герцен // Собр. соч.: в 30 т. – М., 1956. – Т. 11.

6. *Кантор, В.К.* Западничество как проблема русского пути / В.К. Кантор // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 25 – 114.

7. *Пассек, Т.П.* Из дальних лет / Т.П. Пасек // Герцен в воспоминаниях современников. – М., 1956. – С. 55 – 76.

8. *Щукин, В.Г.* Русское западничество. Генезис. Сущность. Историческая роль / В.Г. Щукин. – Лодзи, 2001.

УДК 811.161.1

В.Г. Дидковская

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Фразеологические сочетания рассмотрены в сопоставлении с аналитическими конструкциями. Выбор между устойчивым сочетанием и классическим предикатом в предложении обусловлен коммуникативными стратегиями говорящего.

Аналитическая форма, фразеологическое сочетание, синтаксема, предикат, предложение.

Phraseological combinations are considered in comparison with analytical constructions. The choice among the sustainable combination and the classical predicate in the sentence depends on the communicative strategies of the speaker.

Analytical form, phraseological combination, sintaxema, predicate, sentence.

Вопрос об аналитических формам (конструкциях) в грамматике принадлежит к числу сложнейших и связан с определением их места в системе грамматических единиц (морфологические формы – синтак-

сические единицы – преморфологические формы), признаков, отношений с другими подобными единицами языка и др. Существование таких форм рассматривается как проявление грамматикализации, выражающейся, в частности, в абстрагировании лексемы и утрате автономности, которые приводят к преобразованию ее в служебный компонент аналитической словоформы или грамматикализованной аналитической конструкции [11, с. 115]. Главным признаком аналитической формы считается словесное неравенство ее частей: она состоит из разных слов – вспомогательного, выражающего грамматическое значение формы, и знаменательного, являющегося носителем лексического значения, их сумма оказывается равновеликой значению лексического слова. В качестве одного из проявлений глагольного аналитизма обычно рассматривают глагольно-именные устойчивые сочетания *оказать помощь*, *внушать беспокойство*, *принимать участие*, *получать помощь*, *испытывать беспокойство* и др., нельзя, однако не согласиться с Л.Г. Яцкевич, что грамматикализуются далеко не все устойчивые сочетания [11, с. 201].

Морфологичность аналитических форм (конструкций) обычно связывается с присущей им грамматической целостностью и идиоматичностью, что получает отражение в таких терминах, как грамматические идиоматизмы, морфологизированные единства [1, с. 16], [9, с. 153]. Грамматическая идиоматичность выводится из «перехода целого выражения как бы в одно слово, где смысл отдельных частей уже стушевался» (В.А. Богородицкий), который превращает сочетание в грамматический стандарт для выражения определенного грамматического значения, существующий независимо от лексического значения слов. Однако переход такого типа отсутствует у одной из разновидностей устойчивых сочетаний – фразеологических.

У глагольно-именных фразеологических сочетаний (ФС) грамматичность, «формальность» глагольного компонента оказывается мнимой, ему не свойственна тождественность лексического и грамматического значений, ставящая слово «на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем» [1, с. 31 – 32]. Кажущаяся нелексичность глагола провоцируется как раз особенностями его лексического значения, имеет лексическую основу. Дело в том, что подобный глагол характеризуется высокой обобщенностью семантики, которая сближается с грамматической абстракцией: «в предельно абстрактных словах происходит сближение лексического с грамматическим, взаимообмен функциями между ними» [5, с. 51]. Если глагольный компонент ФС и переживает грамматические превращения, то они никак не преобразуют его в служебный, связочный элемент, а скорее могут быть уподоблены процессу прономинализации. Безусловно, перехода глагола в категорию местоимения не происходит, однако если иметь в виду, что местоименная семантика отличается высокой степенью абстрактности и яркой реляционностью, то черты местоименности в глагольной части ФС явно присутствуют. В связи с этим отметим, что в некоторых исследованиях, посвященных дейктическим словам в русском языке, выделяется разряд глагольных местоимений, представителем которых называется глагол делать/сделать. Основанием для признания его местоименным словом служит его функционирование ***в одном из значений*** в качестве обозначения любого действия или процессуального состояния в физическом или ментальном мире [10, с. 5 – 7]. Такая функция свойственна глаголу *делать / сделать* и другим глаголам в составе ФС (*делать выбор, делать замечания, делать наблюдения, делать ошибку* и др.), где он имеют значение процессуальности ***вообще***: протекание бытия, активного действия, деятельности, пребывания в процессуальном состоянии.

Аналитичность ФС не является результатом только процесса грамматикализации, она имеет более сложную природу. Как и другие «словесные двучлены», они вовлечены в сферу синтагматики слова и присущих ей закономерностей. В этом случае ФС предстают как такая разновидность словосочетаний, которая характеризуется ограничением межсловных связей на различных уровнях их реализации. В первую очередь, организация внутренней структуры ФС испытывает ограничения на морфологическом уровне, которые проявляются как обусловленность, обязательность морфологических свойств сочетающихся элементов. В этом аспекте получает объяснение преобладающая глагольность ФС: сама грамматическая (морфологическая и синтаксическая) природа глагола создает предрасположенность к образованию несвободных сочетаний. Действительно, ни в одной части речи лексическое и грамматическое не взаимодействуют так активно, как в глаголе, вследствие чего он всегда оказывается грамматически связанным. Это обусловлено тем, что отличительной особенностью глаголов как предикативных слов является их несемантичность; это синтаксические слова, стоящие между семантикой и синтаксисом и вовлекающие в свою сферу не столько семантику, сколько синтаксис, поэтому как полноценная лексическая единица они функционируют только при поддержке грамматически связанных с ними слов.

У глаголов в составе ФС грамматическая связанность оказывается усиленной семантической несвободой, вследствие чего синтаксической связью, организующей глагольно-субстантивное ФС, может быть и является только сильное глагольное управление, то есть та разновидность подчинительной связи, которая формируется как морфологическими, так и лексико-семантическими свойствами слова: «для осуществления сильной связи требуется не только принадлежность главенствующего слова к определенной части речи, но и действие других свойств слова: его морфологического значения или морфемного состава и его лексической семантики» [6, с. 20].

В новом ракурсе позволяет охарактеризовать глагольно-именную связь функционально – синтаксический подход к синтаксическим конструкциям (словосочетаниям и предложениям). В функционально-синтаксическом аспекте центром глагольно-именных

словосочетаний предстает падежная (предложно – падежная) форма существительного, а не глагол. Как пишет Г.А. Золотова, «изучение функциональных свойств именных синтаксем обнаружило разнообразие их конструктивно-смысловых возможностей, не сводимых к зависимости от глагола ... Именные, а не глагольные синтаксемы оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка» [7, с. 11 – 12]. Отыменная направленность межсловных отношений уже не может быть квалифицирована как управление, она осуществляется как синсемичность, взаимная готовность обеих сторон к соединению при наличии общих сем [7]. Особое положение среди именных синтаксем принадлежит отвлеченным существительным, которые соединяются с глаголами, нуждающимися в восполнении значения: они выпадают из круга объектных актантов, поскольку «отношения между действием и действием (состоянием, качеством) не могут быть объектными» [6, с. 14], и образуют сочетания с большей сложностью семантико-синтаксической структуры. Учитывая, что в названной позиции реализуется связанный тип именных синтаксем, ФС могут быть выделены среди прочих глагольно-именных словосочетаний как «дважды связанные»: в аспекте лексико-семантических отношений им присуща глагольная связанность, а в аспекте семантико-синтаксических отношений – именная.

Внешнее тяготение ФС к грамматикализованным конструкциям обусловлено, как отмечалось ранее, особенностями семантики глагольного компонента, но она же и отличает их от аналитических форм глагола. Глаголы, образующие ФС, принадлежат к полисемантичным словам, которые в составе ФС реализуют свое ***фразеологически связанное значение***. Однако фразеологическая связанность значения глагола не означает, что он лишен лексического значения, т.е. десемантизирован. Об этом говорит тот факт, что каждый отдельный глагол характеризуется индивидуальной синтагматикой, объем которой варьируется в количественном выражении достаточно широко: *обращать внимание; производить впечатление, действие; оказывать помощь, поддержку, внимание; давать приказ, совет, наставление, обещание* и др.

В связи с неоднозначностью толкования термина *десемантизация* представляется необходимым уточнить его содержание. В нашем понимании десемантизация это не просто отсутствие лексического значения, нулевое значение, она есть то новое качество, которое приобретает слово в процессе преобразования свободного словосочетания во фразеологизм. В этом смысле десемантизация (деактуализация, по определению В.П. Жукова) означает такое переосмысление слова, которое лишает его, полностью или частично, главного признака слова – отдельного лексического значения и превращает его в компонент фразеологической единицы (ФЕ): *мыльный пузырь* – это не пузырь из мыльной пены, а нечто непрочное, пустой, ничтожный человек, ФЕ *мылить голову* имеет значение ‘сильно бранить, делать строгий выговор, внушение’, не обусловленное семантикой слов *мылить* и *голова*. Тем самым десемантизация не равна отвлеченности, так как последняя отнюдь не означает семантической опустошенности. Отвлеченность не превращает слово в не – слово, не лишает лексему ее основной функции – меняется только объект номинации, поскольку подобная лексика обращена не к «миру вещей», а к «миру идей». В отличие от десемантизации лексическая абстрактность не связана с преобразованием природы слова, несемантичность соответствующих единиц является на самом деле лишь неконкретностью.

Подобными качествами в полной мере наделены глагольные компоненты в составе ФС. В их содержательный объем входят семы общего категориального характера типа ‘совершать’, ‘делать’, ‘испытывать’, ‘начинать’, ‘переставать’ и др. Так, значение глагола *завести* (завести знакомство, завести разговор и др.) можно истолковать как ‘начать делать что-нибудь’, *впадать* (впадать в бедность, впадать в сомнение) – как ‘начать испытывать’, *подать* (подать помощь, подать весть) – как ‘сделать, произвести, обнаружить’. Минимальность семного состава свидетельствует о значительной отвлеченности их семантики, но не об ее отсутствии. Именно малосемность является источником синсемичности ФС, причем синсемичности особого, восполняющего типа, поскольку только сочетание глагола и имени образуют полноценную смысловую единицу. Применительно же ко всему классу ФС не вызывает сомнения, что они отличаются не только от *будет читать*, но и от сочетаний типа *сделался поэтом, подвергся нападению, отличается аккуратностью, характеризуется влагонепроницаемостью* и др. Причины этих различий заключаются в неграмматичности глагольного компонента в составе ФС, который обозначает не только отношения, как реляционные глаголы или глаголы компликативного значения, и не только фазисно-модальные оттенки, как глаголы – модификаторы, но и «еще что-то» – неграмматическую информацию.

Указанная особенность ФС не может не влиять на структурно – семантическую организацию формирующихся с их участием предложений. Для выявления своеобразия синтаксических структур с участием глагольно-именных ФС эффективным является применение понятия «функционально – синтаксическая позиция», соединяющего семантическую функцию (субъекта, предиката, объекта и др.) с материальными средствами ее выражения. Совмещение ФС с позиционной моделью предложения позволяет решить вопрос не только о степени их формальной грамматичности, но и о синтаксическом «поведении» в структуре предложения. Оно определяется тем, что в позиции предиката находится не глагол из состава ФС, а все сочетание, так как только в полном составе подобная единица соответствует семантической функции предиката; сам по себе глагол не называет процесс, а лишь указывает на присутствие «идеи процессуальности» в коммуникативном замысле говорящего. Такого рода случаи следует квалифицировать как неоднословное замещение функционально-синтаксической позиции: ср., например, участие гла-

гола *делать* в конструкциях «Он *сделал заявление* о незаконных мерах, которые применялись к нему во время предварительного ареста» и «Такой человек *не делает различия* между своим и чужим»: в обоих случаях он указывает на процессуальность ситуации и намечает место предиката, но в первом предложении участвует в выражении предиката действия, а во втором – предиката отношения.

Присутствующий в характеристике и оценке предиката – ФС элемент сопоставления с глаголом (*делать намеки – намекать, давать слово – обещать, оказывать помощь – помогать* и др.) создает известную формализацию отношений между предложениями, которые служат обозначением одной и той же ситуации. Интерпретация конструкций с «аналитическим предикатом» в качестве трансформационных, вторичных опирается на трактовку феноменов «информация – структура информации – языковая структура информации» в чисто отражательном ключе, предполагающем полную аналогию между внеязыковым и языковым. Это в свою очередь есть результат элиминации такого важнейшего элемента языковой коммуникации, как коммуникативная стратегия говорящего, когда человек мыслящий и говорящий не принимается во внимание как главное действующее лицо коммуникативного процесса, осознанно выбирающее способ представления информации. А между тем предложения с глагольным предикатом и предикатом – ФС отражают разную установку говорящего на создание содержания сообщения: высказывания второго типа связаны со «стилем, отражающим мысль» (В. Матезиус). Дело в том, что информация, заключенная в них, содержит сведения не только о «маленькой драме», «сюжет» которой составляет ситуация в реальной действительности. Нельзя не заметить, что квалификация предложений, предикат которых выражен ФС, как нестандартных номинаций обязательно сопровождается указанием на их смысловую осложненность, на добавочные компоненты содержания по сравнению с номинативным стандартом.

Как показывают наблюдения, носителем всех смысловых приращений оказываются именно ФС: они последовательно представляют сведения об отношении субъекта к процессу в рамках номинируемой ситуации в том ракурсе, в котором она осмысливается говорящим: субъект мыслится отделенным от самого процесса, и с этой целью в интеллектуальную модель ситуации вводится дополнительное опосредующее звено: Он участвует... — Он *принимает* участие...; Мы обещаем... — Мы *даем* обещание... . Роль подобного звена не только в том, что глагол сопрягает действие (отношение или состояние) с первым актантом, но и в указании на способ участия последнего в ситуации: включение его в процесс (действие, отношение, состояние) мыслиться и представляется говорящим как уподобление перемещению (*вводить, вести, вносить, вступать, впадать, входить, выходить, нагонять, нести, поднимать, приводить, приходить, ставить* и др.), приобретению – присвоению (*брать, давать, держать, принимать, хранить, устраивать*), физическому действию (*возводить, делать, завязывать, класть, обращать, отдавать, производить, подавать* и др.). Собственно же процесс, обозначенный субстантивом, занимает при подобных глаголах позицию одного из актантов, например, квазиобъекта (*впечатление, молчание, наказание, резолюция, слово* и др.) или квазидиректива (*в восторг, к выводу, в отчаяние, в ярость, из равновесия, из терпения* и др.).

Эта мнимость ролей обусловлена неизосемичностью значения субстантива регулярной для данной позиции актантной семантике, поскольку существительные с пропозитивным значением обычно занимают позицию ментального или сенсорного объекта, что и наблюдается в «правильных» конструкциях типа *чувствует страх, испытывает ярость, обдумываю выводы, объявляют решение, назначат наказание* и т.п. Показательно, что чем предметнее значение зависимого субстантива, тем более он пригоден для роли объектного актанта, именно поэтому для доказательства и демонстрации синтаксической содержательности связей и отношений между компонентами ФС в составе предложения всегда используются сочетания, обозначающие производственную деятельность типа *производить выплавку, производить лов, делать опыты*, в которых глагольные компоненты действительно могут быть рассмотрены как носители значения «созидательная деятельность», а зависимой форме приписана роль фактива. Заметим, что предикатная роль сближает глагольно-именные ФС с комплексными синтаксемами [7, с. 146 – 148], хотя соотнесение их с аналитическим типом сказуемого не является безусловным (см. подробнее об этом: [2, с. 78 – 83]).

Итак, особенности ограничения состава и структуры ФС служат наглядным подтверждением тому, что грамматика «не отделена от лексики, а наоборот, синкретична с ней» [4, с. 6]. Они представляют собой тип синтаксических единиц, в которых синтагматика выступает как проявление определенных свойств лексических единиц, а лексические свойства глубоко синтаксичны. Их сходство с аналитическими конструкциями обусловлено тем, что ФС существуют до предложения как готовый способ неоднословного обозначения, который говорящий выбирает и воспроизводит в соответствии с коммуникативной установкой и в основе которого лежит семантическая особенность глагола, превращающая его в словосочетание (связанную синтагму). Тем самым, ФС оказываются таким элементом репрезентации пропозиций, в котором, как в фокусе, сходятся отношения между синтаксисом, морфологией и лексикой.

Литература

1. *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М, 1972.

2. *Дидковская, В.Г.* Фразеологические сочетания в системе средств выражения сказуемого в русском языке / В.Г. Дидковская // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – Серия «Гуманитарные науки».– 1998. – № 9. – С. 78 – 83.

3. *Золотова, Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М., 1988.

4. *Караулов, Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка / Ю.Н. Караулов. – М., 1994.

5. *Лукин, В.А.* Семантические примитивы русского языка. Основы теории / В.А. Лукин. – М., 1990.

6. *Падучева, Е.В.* Феномен Анны Вежбицкой / Е.В. Падучева // Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.

7. *Проничев, В.П.* О синтаксеме (В поисках минимальной единицы синтаксиса) / В.П. Проничев // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: сб. науч. ст. в честь 70 – летия проф. В.П. Проничева. – СПб., 2007. – С. 142 – 150.

8. Русская грамматика – 80: Русская грамматика: в 2 т. Том. II. Синтаксис. – М., 1980.

9. *Сухотин, В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке / В.П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950.

10. *Шведова, Н.Ю.* Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова. – М., 1995.

11. *Яцкевич, Л.Г.* Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2010.

УДК 811.161.1

Ю.Г. Карпеченкова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Т.Г. Аркадьева

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (С ЦЕЛЬЮ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

В данной статье рассматриваются вопросы параметризации идиом. Параметры описания устойчивых единиц, создаваемые в лексикографических целях, не соответствуют нашему пониманию, так как особенности методического плана работы с крылатыми выражениями в иностранной аудитории диктуют необходимость комплексного рассмотрения характерных отличительных лингвистических и фоновых особенностей. Поэтому нами был создан список позиций-параметров, по которому мы анализировали крылатые единицы.

Крылатые выражения, параметр, анализ, описание, лексикография.

The article considers the questions of parameterization of idioms. Parameters of the description of the stable units created in the lexicographic aims don't correspond to our understanding. The peculiarities of the methodical plan of work over popular expressions in foreign audience dictate the need for complex consideration of characteristic linguistic and background features. Therefore we created the list of positions-parameters that helped us analyze winged expressions.

Winged words, parameter, analysis, description, lexicography.

В курсе русского языка как иностранного представлены устойчивые лексические единицы, в число которых, в первую очередь, входят пословицы, поговорки и фразеологизмы. Для данных единиц доказано наличие лингвострановедческой ценности, однако в поле зрения методистов до сих пор не попадали крылатые выражения (КВ), которые также представляют собой дидактическую ценность и должны занять свое место среди других лексических единиц в учебном процессе. Залогом успешного и эффективного овладения языком является знание экстралингвистических особенностей, например, культуры общения, которая, в свою очередь, предусматривает знание различных лингвострановедческих реалий.

Задания должны проистекать из природы КВ, поэтому нужно обратиться к комплексному рассмотрению компонентов КВ для более глубокого осмысления коммуникативных, семантических, функционально-стилистических, грамматических, фонетических и экспрессивных особенностей.

В обучающих целях любая характеристика должна быть разложена на составляющие, на ряд элементов, этому и подчиняются параметры, которые представлены в лексикографических источниках. Параметрическое представление о единице – это описание классифицирующего типа, где инклузивно стягиваются к роду видовые понятия [9, с. 34]. В отличие от термина «различительный признак» параметр есть демаркационная переменная на любом уровне. Лингвистический параметр представляет некоторую переменную, дифференцирующую любые две категории в языке либо в функциональном плане, либо в плане обозначения. Параметр есть способ лексикографической интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий [3]. Под параметрической структурой мы будем понимать упорядоченную последовательность компонентов-признаков описательного характера, несущих информацию одного типа.

При рассмотрении вопроса мы столкнулись с некоторыми трудностями, так как параметризация КВ до сих пор не получила достаточной теоретической разработки. Ряд ученых обращался к выделению параметров устойчивых единиц, преимущественно фразеологизмов, главным образом в машинном фонде русского языка (фразеологизм мы понимаем как устойчивое по составу и структуре, семантически слитное словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной лексемы). Нам кажется необходимым и целесообразным обратиться к рассмотрению данного вопроса для создания списка